

ТЕКСТ КАК ДИАЛОГ

Т. Е. Старостенко

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Поступила в редакцию 5 сентября 2021 г.

Аннотация: статья посвящена выявлению особенностей коммуникативного подхода к поэтическому и прозаическому тексту монологической формы. Прослежены приемы создания внутренней и внешней диалогизации, способные актуализировать диалог между адресантом и адресатом, а также между субъектами аукториального и диегетического повествования. Сделаны выводы о важности учёта и анализа диалога не только как эксплицированных реплик.

Ключевые слова: диалогизация, поэтический дискурс, прозаический дискурс, аукториальный нарратив, диегетический нарратив, коммуникативная модель.

Abstract: the article concentrates on identifying the features of the communicative approach to the poetic and prosaic text of the monologue form. The methods of creating internal and external dialogization are traced, which can actualize the dialogue between the addressant and the addressee, as well as between the subjects of the auctorial and diegetic narration. Conclusions are drawn about the importance of considering and analyzing the dialogue not only as explicate utterance.

Keywords: dialogization, poetic discourse, prosaic discourse, auctorial narrative, diegetic narrative, communicative model.

На современном этапе наиболее актуальным среди различных подходов к изучению текста (как знаковой системы, динамического развития языковой структуры, предмета теории интерпретации, психо- и социолингвистики) является коммуникативный, рассматривающий текст как результат первичной коммуникативной деятельности адресанта и объект вторичной коммуникативной деятельности адресата. При разработке коммуникативной стратегии автор ориентируется на реципиента, который, в свою очередь, не ограничивается пониманием авторской интенции, а включен в активный процесс восприятия, подразумевающий сотворчество. Диалог с текстом осуществляется через интерпретацию, в основе которой лежит понимание. Интерпретативная деятельность представляет углубление в комбинаторное приращение смысла, потому что слово в контексте значительно меняет свою узусальную семантику.

Анализ коммуникативности текста обуславливает обращение к диалогичности не только на уровне адресанта и адресата, которую мы позиционируем как внешнюю, но и в монологической речи как смену смысловых позиций разных точек зрения или взаимодействие противоположных позиций одного субъекта (внутренняя). На основе такого подхода становится очевидной широта и разнообразие диалогических отношений, выходящих за рамки реплик реального диалога.

Для публицистического стиля характерна внешняя диалогизация монолога, связанная с функцией воз-

действия и выражающаяся в адресуемости через информационную насыщенность заголовков, модальные и авторизованные конструкции синтаксиса, инверсию, простые неосложненные предложения, риторические фигуры, синтаксический параллелизм, лексические повторы, парцелляцию, вводные слова, дейктические средства и другие маркеры. Диалогический эффект научного текста также ориентирован на внешний диалог с помощью различных грамматических и стилистических средств — речевых сигналов активизации внимания реципиента (слова-дейктики, образные единицы, косвенный вопрос адресату, императивные конструкции, вопросительно-ответный комплекс и др.).

Наибольшую парадигму экспликантов как внешнего, так и внутреннего диалога реализует художественный текст, коммуникативность которого формируется на основе внешней диалогизации *продукт — реципиент* и рассматривается как в стилистике декодирования, так и на основе внутреннего диалога, способного актуализироваться в монологической художественной речи через разные точки зрения нарратора и персонажей. Целью данной статьи является анализ особенностей экспликации диалогических отношений во внешне монологической речи поэтического и прозаического текста.

Текст как форму коммуникации и явление индивидуально-авторского стиля комплексно исследует одно из направлений функциональной стилистики — коммуникативная стилистика художественного текста, которая развивается представителями томской лингвистической школы и находит свой предмет изучения в исследованиях Н. С. Болотновой [1], А. А. Васильевой [2], А. В. Болотнова [3], С. Г. Ильенко

[4], С. А. Верескун [5], В. В. Степановой [6], К. В. Скорик [7], Т. П. Карпилович [8] и др. Это направление фокусируется на целенаправленности текстовой деятельности, связанной с диалогом, или сотворчеством, автора и читателя, а современное понятие дискурсивности отождествляет с коммуникативностью. В этом направлении внимание сосредоточено на трех основных направлениях — теории регулятивности, текстовых ассоциатов и смыслового развертывания, которые рассматривают коммуникативно ориентированную и концептуально обусловленную ассоциативно-семантическую сеть как компонент различных отношений, но прежде всего лексических элементов. Именно лексические структуры становятся наиболее актуальными смысловыми моментами интерпретационной деятельности читателя.

Характерные для поэзии подходы «от текста к читателю» и «от читателя к тексту» реализуются во внешнем диалоге через три разновидности ассоциатов — эксплицитные текстовые, имплицитные текстовые и имплицитные внетекстовые. Термин текстовый ассоциат как смысловой коррелят к стимулу используют в своих исследованиях представители томской лингвистической школы А. В. Болотнов [3] и А. А. Васильева [2], а в отношениях к неэксплицитному ассоциату — имплицитный ассоциат (А. А. Васильева [2]). Особая роль в формировании текстовых ассоциатов отводится концептам, в которых выделяются лексические экспликативы, ассоциативно связанные слова, а также вербализаторы образной перспективы номината концепта. Исходя из понятия концепта, представители томской лингвистической школы (А. А. Васильева, А. В. Болотнов) предлагают два подхода к изучению ассоциативной структуры текста: первый основан на движении «от текста к читателю» («от стимула к реакции»), при котором последовательно выявляются эксплицитные и имплицитные текстовые ассоциаты; второй подход связан с внетекстовыми ассоциатами и актуализирует движение «от читателя к тексту» («от реакции к стимулу») и указывает на интерпретационную активность реципиента. Причем в подходе «от текста к читателю» происходит постепенный отход от вербальной структуры текста, поскольку имплицитные ассоциаты переходят в субъективную читательскую сферу. Подход «от читателя к тексту» связан с внетекстовыми ассоциатами и направлен на интерпретационную деятельность адресата.

Следует обязательно учитывать такое направление коммуникативной стилистики текста, как теория регулятивности, которое изучает различные стилистические приемы и типы выдвижения стилистики декодирования. Для динамики коммуникативного пространства поэтического дискурса наиболее актуальны повтор, контраст, обманутое ожидание и конвергенция. На наш взгляд, указанные выше два подхода к изучению ассоциатов целесообразны

для рассмотрения внешней диалогизации (между автором и читателем и наоборот). Однако вносим коррективы, которые способствуют углубленному пониманию динамики коммуникативного пространства поэтического дискурса. Во-первых, в понятие текстовых ассоциатов необходимо включать, помимо лексических, и грамматические репрезентанты (подход «от стимула к реакции»); во-вторых, вместо ментальных феноменов-концептов, которые опять-таки требуют обращения в основном к лексическим вербализаторам, предлагаем использовать понятие смысловых оппозиций (подход «от реакции к стимулу»). Считаем, что актуализация смысловых оппозиций в поэтической структуре наиболее полно отражает ее особенность, способствует возможности выразительной читательской интерпретации и вместе с тем — динамике коммуникативного пространства, поскольку интерпретация является активным творческим процессом.

Основными универсальными категориями, вербализованными в поэтическом дискурсе, являются смысловые оппозиции «жизнь — смерть», «свет — тьма», «тепло — холод», «прошлое — будущее», «много — мало». Они отражают особенность контрастного мира, являясь внетекстовыми ассоциациями. Важность их выбора связана с таким подходом коммуникативной стилистики, как «от реакции к стимулу», или «от читателя к тексту», где реакцией выступает смысловая оппозиция, стимулом — текст как результат ассоциативной деятельности реципиента в осмыслении определенной универсальной философской категории. «Человеку свойственно мыслить в терминах диадных отношений: мы обычно разбиваем любые реальные отношения на пару диад» [9, 9]. По сути, такое мышление характерно для поэта при моделировании мира, в результате чего художественное произведение воплощает индивидуально-авторский способ организации мира, декодирование которого зависит от ментально-эмоциональной сферы читателя. Подход «от реакции к стимулу» отражает динамику коммуникативного пространства художественного дискурса, поскольку через различные языковые средства и структуры текста читатель моделирует идиостиль писателя на основе его понимания мира. Бинарные оппозиции «жизнь — смерть», «свет — тьма», «тепло — холод», «прошлое — будущее», «много — мало» являются доминантами экспрессивного выражения контрастов посредством определенных приемов выдвижения в художественном дискурсе.

Согласно стилистике декодирования, писатель сначала квантует информацию, а затем кодирует. Декодируя сообщение, читатель не может быть пассивным. Стилистика декодирования исследует, как читатель восстанавливает сообщение, используя свои знания кодов и кодовых комбинаций языка. При декодировании часть информации может быть

потеряна. Ее восстановлению способствуют приемы выдвигания значимых для автора смысловых моментов произведения. Эти приемы направлены на правильное понимание текста при его декодировании. Они «устанавливают семантически релевантные отношения и иерархию между элементами одного или разных уровней, создающие эстетическую и эмоциональную информацию» [10, 378]. Один и тот же прием может усиливаться в узком контексте другими приемами. Понимание приемов выдвигания на уровне подхода «от реакции к стимулу» основывается на создании особой экспрессивности, привлекающей внимание читателя. Среди таких приемов, прежде всего, следует назвать эффект обманутого ожидания, реализуемый стилистическими фигурами контраста альтернатезой, оксюмороном, диатезой, антитезой. Эти приемы позволяют «распознавать» универсальные философские категории через писательское мировосприятие и тем самым создавать диалог читателя и автора.

Художественный текст (особенно поэтический) является своеобразным коммуникативным пространством, связанным с понятием вторичной структуры и ее основными принципами — сопоставлением и противопоставлением, которые подробно рассматриваются и анализируются на конкретных примерах художественных текстов в трудах Р. О. Якобсона [11; 12; 13] и Ю. М. Лотмана [14; 15]. Эффект обманутого ожидания, на наш взгляд, можно сравнить с «эффектом напряжения» (Ю. М. Лотман [14, с. 245]), при котором в произведении элементы естественного языка могут быть противопоставлены контекстуальным. Ю. М. Лотман показал, что поэтическая конструкция создает особые семантические сопоставления и противопоставления, отличающиеся от семантики естественного языка, что содействует художественному эффекту «борьбы».

При рассмотрении внешней диалогизации (продукт и реципиент) целесообразно обращаться к стилистике декодирования, основанной на человеческом факторе, или личности читателя, способного декодировать художественное сообщение, используя свои знания кодов и кодовых комбинаций языка. Восстановлению текстовой информации способствуют приемы выдвигания смысловых моментов — конвергенция, эффект обманутого ожидания и сцепления. Они задерживают внимание реципиента на значимых для автора моментах и позволяют декодировать художественное сообщение с максимальной приближенностью к авторской интенции. Являясь регулятивными структурами в смысловом развитии текста, эти приемы руководят познавательной деятельностью адресата и стимулируют его ассоциации. Диалог между автором и читателем создается на основе эксплицитных и имплицитных текстовых ассоциаций, которые определяют движение «от текста к читателю» и «от читателя к тексту». С переходом

имплицитных ассоциатов в систему субъективных читательских ассоциаций реализуется перлокутивный эффект, когда художественная коммуникация возникает в результате эстетического воздействия.

Коммуникативный подход к тексту отождествляется с понятиями его дискурсивности и диалогичности, поскольку дискурс — это текст, помещенный в ситуацию диалога. Рассматривая дискурс как совокупность взаимосвязанных текстов, необходимо учитывать фактор как внешней, так и внутренней диалогизации. Первая включает декодирование как читательскую интерпретацию и ориентируется в первую очередь на поэтический текст, вторая углубляется в динамику внутритекстовой имплицитной полифонии монологической прозаической речи с множеством субъектных перспектив — рассказчика и персонажа, персонажа и персонажа, автора и персонажа, автора и рассказчика, между которыми складываются коммуникативные отношения, эксплицитированные разноуровневыми языковыми единицами.

Внутренняя диалогизация как облигаторный признак прозаического дискурса, особенно если иметь в виду монологическую форму речи с экзегетическим повествователем (или аукториальный тип повествования, связанный с нарратологической структурой), создает «парадоксальную возможность для коммуникации между недиегетическим нарратором и персонажем» [16, с. 23], которая реализует «новые формы присутствия автора в тексте» [17, 8]. Такие формы Т. Г. Винокур объединяет понятием «синкретическое повествующее лицо» [18, 52], при этом выделяя план выражения от 3-го лица, в котором объединяются первые лица плана содержания.

Динамика аукториального нарратива возникает в результате взаимодействия разных субъектных перспектив, приближенных или, наоборот, отдаленных от повествователя. Возникает, на наш взгляд, особый эффект сопоставления и противопоставления, характерный в другом плане для поэтического дискурса. Благодаря этому эффекту читатель становится ближе к художественным событиям, что в определенной степени способствует и внешней диалогизации. Взаимодействие разных субъектов аукториального нарратива создает текстовую интерференцию, в которой, как считает В. Шмид, «совмещаются две функции — передача текста персонажа и собственно повествование (которое осуществляется в тексте нарратора)» [19, 191]. Возникает имплицитная диалогизация, где реальная диалогическая конструкция играет минимальную роль, а доминирующую позицию занимают коммуникативные модели (КМ) «нарратор — персонаж», «персонаж — персонаж», «автор — персонаж», «автор — нарратор». Они содействуют динамике развертывания композиционной структуры художественного дискурса и имеют своеобразную экспликацию. В аукториальном повествовании реализуется инвариант модели

«персонаж — персонаж», включающий динамическое развитие точки зрения одного героя с векторным направлением от прошлого к настоящему. Реализация модели «автор — персонаж» происходит через субъективацию аукториального повествования в сторону точки зрения героя. Для модели «автор — нарратор» характерна включенность в нарраторское повествование авторского отступления.

Диегетическое, или субъективное, повествование представляет тип текста, в котором экспликация событий, фактов, поведения персонажей происходит на основе личного плана нарратора, введенного с помощью местоимения 1-го лица единственного числа. При рассмотрении особенностей лингвистической организации такого повествования Е. А. Гончарова отмечает абсолютное или независимое употребление местоимения при отсутствии собственного имени или иного обозначения лица-коррелята. В таком случае семантика местоимения имеет обобщенный характер, а само местоимение *я* приобретает специфику композиционно-стилистического приема. Сильная позиция рассказчика в структуре текста определяет ориентацию на его «личный» временной план. Соответственно ему выделяется три типа повествовательной ситуации для повествования от 1-го лица (письменное сообщение, сказ, внутренний монолог) и характеризуется морфологический актуализатор каждого из этих типов. Так, для письменного сообщения актуализатором становится эпический претерит, обозначающий дистанцию между временем событий и временем их описания. Соглашаемся с мнением Е. А. Гончаровой, что претерит как ядерная глагольная форма не исключает использования других глагольных форм, но релевантным языковым элементом остается претерит. Сказовой манере, по мнению Е. А. Гончаровой, присущ переход к фабульному презенту, так как необходимо установить контакт с воображаемым читателем и показать события в их непосредственном развитии. Однако в этом типе возможна контаминация глагольных форм — презентных, претеритальных и футуральных, благодаря которым читатель присоединяется не только к настоящему «сценического» момента, но и к континууму взаимосвязанных и взаимообусловленных событий. Значение перцептуального времени актуализируется в повествовательной ситуации внутреннего монолога. Поскольку такое время связано с эмоциями и поэтому также называется эмотивным, возможны различные временные модификации в зависимости от содержания нарраторской рефлексии [20, 33–39].

Наблюдения Е. А. Гончаровой научно обоснованы, их можно применить к прозаическому дискурсу, особенно при рассмотрении типов повествовательных ситуаций от 1-го лица с их коммуникативной направленностью. Следует остановиться и на подходе Н. А. Петровой, которая справедливо отмеча-

ет, что художественное произведение всегда коммуникативно ориентированное, отношения между автором и героем, а также между персонажами диалогичные. При определении системы местоимений в коммуникативном плане первостепенная роль отводится личному местоимению «я» и его динамическим модификациям — персональной аппликации, ретро- и проспективной аппликации и точечному расщеплению [21, 7–11].

Наиболее актуальными являются две последние модификации. Ретро- и проспективная с отражением психологии личности позволяет представить постоянное линейное развитие персонажа с его проникновением в прошлое и будущее, поэтому «я» приобретает коннекторный ряд субстанций «я» в разных временных измерениях и с определенным внутренним состоянием в каждом из них. Возникает, на наш взгляд, внутренняя диалогизация КМ «я — я» с вербализацией вариативности ментального и эмоционального состояния героя. Он контактирует с собой прошлым и настоящим, предвидит события будущего, в результате чего возникает динамика, эксплицируемая соответствующими языковыми средствами. Парадигма точечного расщепления представляет ипостаси «я» в контрасте эмоционального и логического, актуализируемого в диалогическом по своей сути внутреннем монологе. Такое экспрессивное смысловое смещение приобретает своеобразную коммуникативную направленность, когда персонаж создает диалог между собственными мыслями и чувствами. Характеризуя диегетического нарратора, необходимо также определять референциальную направленность моделей «я — ты», «я — вы», особенно вторых компонентов как дейктиков-адресатов.

Поскольку прозаические тексты более коммуникативные по сравнению с поэтическими, они раскрывают внутреннюю диалогизацию разных точек зрения объективного повествования через языковые и композиционные приемы субъективации — несобственно-прямую речь, представление, изображение, монтаж. Несобственно-прямая речь используется в художественной литературе как специфическая форма передачи чужой речи. Отраженная с точки зрения автора, она сохраняет особенности речи персонажа, его внутреннее состояние. Прием представления характеризуется перемещением точки зрения в сознание определенного персонажа, и поэтому предметы и явления окружающего мира отражаются именно через субъективное восприятие. Смысловое движение от неизвестного к известному, присущее приему представления, также выражается неопределенными местоимениями *кто-то*, *что-то* и др. Для приема представления характерно также использование вводных слов, которые актуализируют точку зрения персонажа. К приему представления очень близок прием изображения, который характеризуется использованием различных средств художе-

ственной выразительности. Приемы изображения и представления тесно взаимосвязаны и, применяемые вместе, не только создают соответствующие образы, но и усиливают эстетическую функцию художественного стиля. Монтажный прием как один из композиционных приемов субъективации авторского повествования основан на движении как определенного объекта действительности, так и самого персонажа, точка зрения которого перемещается в пространстве. Монтажный прием может отражать общий, средний, крупный планы описания. Словесные и композиционные приемы субъективации авторского повествования позволяют услышать «голос» персонажа и понять его точку зрения.

Процесс внутренней диалогизации может быть реализован в изменении жизненной позиции и взгляда на мир и на самого себя одного субъекта, что вербализируется в дистантно расположенных текстовых сегментах. Именно художественный текст в полной мере становится актуализатором динамического развития внешних и внутренних коммуникативных процессов. Коммуникативный эффект художественного текста достигается как на синтагматическом, так и на парадигматическом уровне как результат тематического и ассоциативного взаимодействия разных текстовых элементов. Экспликантами динамики смысла выступают регулятивные структуры, компоненты которых с контактным или дистантным размещением выделяются на разных текстовых уровнях — высказывании, сверхфразовом единстве, фрагменте. В создании внешней диалогизации значительную роль играют приемы выдвижения важных для автора моментов — эффект обманутого ожидания, конвергенция, сцепление, способные не только остановить внимание реципиента, но и активизировать его в направлении сотворчества с автором. Благодаря вертикальному контексту с дистантными регулятивными структурами, расположенными на уровне блока высказываний (сверхфразового единства, фрагмента) и всего текста, создается не только целостность произведения, но и акцентируется внимание реципиента на ключевых аспектах произведения. В результате читатель присоединяется к вербальным ассоциациям с прагматическим эффектом. Парадигматический аспект ориентируется преимущественно на внутритекстовые связи, которые выражают свою специфику в конкретном художественном произведении, определяя направление и разнообразие диалогизации монологической речи, которая может происходить как между разными субъектами, так и между контрастными точками зрения одного субъекта. Этот подход является наиболее перспективным, поскольку он недостаточно исследован по сравнению с изучением вертикального контекста на уровне ассоциативной связи между текстом и его внетекстовой сферой. Парадигматическая связь включает подтекст и ос-

нованные на нем интерпретационные приемы, поэтому он также является регулятором отношений между адресантом и адресатом.

Предлагаем рассматривать в КМ «персонаж — персонаж» динамическое развитие точки зрения одного героя, приводящее к изменению его духовного мира, отношения к жизни и людям. Такая динамика имеет векторное направление от прошлого к настоящему. Ретроспекция персонажа контрастирует с его современным состоянием, что эксплицируется в дистантно размещенных фрагментах различных тематических линий, связанных с изменением точки зрения. Предлагаемый подход характерен для дискурса большинства белорусских прозаиков XX века. С помощью парадигматической когезии выявляется оппозиционная диалогизация контрастных с позиции динамики точки зрения персонажа текстовых сегментов, отражающих изменение мыслей и чувств героя, постепенное возрождение гармонии внутреннего и внешнего мира. Возникает своеобразный диалог *персонаж (прошлый) — персонаж (настоящий)*, в котором коммуникативный аспект реализуется между противоположными сущностями одного человека, что находит соответствующую языковую экспликацию.

Современное коммуникативное изучение художественного текста имеет два направления исследования, ориентированных на внешнетекстовую коммуникацию (внешняя диалогизация, включающая контакт адресанта и адресата) и внутритекстовую коммуникацию (внутренняя диалогизация на уровнях коммуникантов аукториального и диегетического нарратива). Внешняя диалогизация заключается во взаимодействии автора и читателя, что выражается в интерпретационной деятельности последнего по декодированию поэтического произведения в зависимости от таких приемов выдвижения значимых для автора моментов, как эффект обманутого ожидания и конвергенция. На основе поэтических средств репрезентации контраста адресат формирует смысловые оппозиции писателей с учетом их идиостиля. В языке поэзии основным структурным принципом является параллелизм с отношениями сопоставления или противопоставления, которые способствуют ясности творческого диалога между писателем и читателем при интерпретации поэтического текста как вторичной системы языка. Внутренняя диалогизация нарративного монолога проявляется как контакт между субъектами произведения и репрезентируется лексико-грамматическими и тропическими средствами с выражением субъективной модальности, что позволяет выделить и проанализировать различные смысловые позиции художественной коммуникации. Динамика коммуникативного пространства прозаического дискурса разворачивается не столько в сторону внешнего диалога *адресант — адресат*, сколько в большей степени через имплицитные внутритекстовые КМ монологического аукториального повество-

вания «нарратор — персонаж»; «персонаж — персонаж» с инвариантом автокоммуникации «персонаж (прошлый) — персонаж (настоящий)», в которой эксплицируется изменение духовного состояния одного субъекта. В диегетическом нарративе внутренняя диалогизация модели «я — я» позволяет представить линейное развитие персонажа с его проникновением в прошлое и будущее, при этом «я» приобретает коннекторный ряд субстанций «я» в разных временных измерениях и с определенным внутренним состоянием в каждом из них.

Таким образом, динамика коммуникативного пространства художественного дискурса развивается на основе внешней и внутренней диалогизации монологической речи, что значительно расширяет возможности диалога не только как эксплицированных реплик, но и как важную текстовую категорию, пронизывающую разные уровни произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н. С. Болотнова; под ред. С. В. Сыпченко. — Томск: ТГПУ, 1992. — 310 с.
2. Васильева А. А. Лексический аспект ассоциативного развёртывания поэтических текстов О. Э. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. А. Васильева; Томский гос. педагог. ун-т. — Томск, 2004. — 30 с.
3. Болотнов А. В. Вербализация концепта хаос в поэтическом дискурсе серебряного века (на материале творчества М. И. Цветаевой, М. А. Волошина, О. Мандельштама): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Болотнов; Томский гос. педагог. ун-т. — Томск, 2009. — 25 с.
4. Ильенко С. Г. Стилистические и синтаксические аспекты диалогичности / С. Г. Ильенко // Исследования по художественному тексту: материалы 3-х Саратовских чтений по художественному тексту, Саратов, июнь 1994 г. / Саратов. гос. педагог. ин-т; под ред. Б. Л. Борухова и К. Ф. Седова. Часть 1. — Саратов, 1994. — С. 19–21.
5. Верескун С. А. Ассоциативно-смысловое поле цвета в прозе М. И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. А. Верескун; Южный федер. ун-т. — Ростов н/Д, 2012. — 29 с.
6. Степанова В. В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии / В. В. Степанова. — СПб.: Наука, 2006. — 272 с.
7. Скорик К. В. Диалогизация художественного текста: типы и способы ее актуализации в англоязычной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / К. В. Скорик; Санкт-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 2010. — 19 с.
8. Карпилович Т. П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. — Минск: МГЛУ, 2003. — 226 с.
9. Сухомлинова Ю. А. Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ю. А. Сухомлинова; Самарский гос. педагог. ун-т. — Самара, 2005. — 18 с.
10. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд; науч. ред. П. Е. Бухарин. — Изд. стереотип. — М.: Либроком, 2014. — 443 с.
11. Якобсон Р. О. Работы по поэтике: Переводы / Р. О. Якобсон; сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. — М.: Прогресс, 1987. — 464 с.
12. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон; пер. с англ. // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст.; под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. — М.: Прогресс, 1975. — С. 193–230.
13. Якобсон Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р. О. Якобсон // Семиотика. — М.: Радуга, 1983. — С. 462–481.
14. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 704 с.
15. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПб, 2001. — 846 с.
16. Попова З. А. Поэтика прозы Л. Добычина. Нарратологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / З. А. Попова; Санкт-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 2005. — 34 с.
17. Волохова Е. С. Поэтика акториального повествования (роман М. Каннингема «Часы»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Е. С. Волохова; Нижегородский гос. педагог. ун-т. — Н. Новгород, 2005. — 21 с.
18. Винокур Т. Г. Первое лицо в драме и прозе М. Булгакова / Т. Г. Винокур // Очерки по стилистике художественной речи: сб. ст. / Ин-т русского языка АН СССР; отв. ред. А. Н. Кожин. — М.: Наука, 1979. — 50–65.
19. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 304 с.
20. Гончарова Е. А. Пути лингвистического выражения категорий автор — персонаж в художественном тексте / Е. А. Гончарова. — Томск: Томский гос. ун-т, 1984. — 145 с.
21. Петрова Н. А. Личные местоимения в коммуникативном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. А. Петрова; Поморский гос. междунар. педаг. ун-т. — Череповец, 1995. — 21 с.

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Старостенко Т. Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и лингводидактики

E-mail: tstarascienka@gmail.com

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

Starostenko T. Y., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics

E-mail: tstarascienka@gmail.com